

Костючук Лариса Яковлевна,
доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка Псковского
государственного университета

ЧТО ИЗВЕСТНО О РЕЧИ ПСКОВИЧЕЙ В ПРОШЛОМ (свидетельство памятников письменности)

Письменные памятники доносят до нас сведения не только о том, как писали, но и о том, как говорили псковичи в прошлом. Одно из первых лиц в современной Псковской губернии на заре создания современных губерний попросило меня и историка Евгения Павловича Иванова рассказать о характере древних псковичей по данным исторических источников... Лингвистов и вообще филологов прежде всего интересует язык населения, отраженный в текстах письменных памятников. Новейшую науку филологию, сформировавшуюся особенно четко во второй половине XX века, основывают на трех объектах: *язык – текст – homo loquens* (то есть «человек говорящий» в широком смысле слова). Мне как лексикографу, работающему над созданием «Псковского областного словаря с историческими данными» [ПОС, 1967-2011], приходится постоянно учитывать связь синхронных и диахронных сведений о народном слове: это поиски соответствующих слов в контекстах; исследование функционирования фраз, слов; выяснение значений каждой единицы, попадающей в поле зрения собирателя и лексикографа [см., например, Костючук, 2011б].

Сообщим некоторые наблюдения.

Летописи, деловые документы, хозяйствственные книги разных жанров, русско-немецкие разговорники XVI-XVII веков, в последние десятилетия – и немногочисленные берестяные грамоты, найденные при археологических раскопках в Пскове, позволяют по крупицам выяснить особенности характера, поведения, обычаев, речи древних псковичей.

Псковские летописи (Первая, Вторая, Третья) в ряде текстов сообщают о многом в отношениях людей, в частности и о поведении псковичей, когда необходимо понять положение другого человека. Так, псковичи не только приняли бежавшего из Литвы литовского князя Довмонта, но и «*посадиша его на княжении въ градѣ Псковѣ*» [Лет. II, л. 163]. Поскольку Довмонт был язычником, псковичи крестили его, дав имя *Тимофеи*, и сделали псковским князем. Князь Довмонт-Тимофей блестяще оправдал доверие псковичей: тридцать три года верою и правдою служил Пскову, отбивая врагов, расширяя территорию крепости и возводя храмы, тем самым проявляя благочестие. В то же время так создавалось при необходимости и место защиты города от врагов (вспомним сохранившийся известный Довмонтов город на территории древней крепости в Пскове). «*Сказание о благовѣрнemъ князи Домонтьи и о храбрости его*» [Лет. II, л. 162 об.-166] доносит до нас и речь князя, которая тепло и доверительно звучит в чрезвычайно трудные минуты при обращении к жителям Пскова. Усвоив традиции псковичей, князь внимательно относился не только к старшим, но и к молодым воинам. Поэтому, поднимая воинов на битву с врагами, Довмонт неизменно говорил своим дружинникам: «...братье моужи псковичи, кто старъ то отецъ, а кто млад то ми брат» [Лет. II, л. 163 об.]. При этом он подчеркивал и безусловное мужество псковичей, постоянно сражавшихся на западных рубежах Руси: «...слышать если мужество ваше въ всех странах» [Там же]. Причем в

самых серьезных ситуациях Довмонт оставлял выбор за самими псковичами: «...се же есть предлежить живот и смерть; братие моя, потягнетъ за дамъ святыя Троица и за святыя церкви, за свое отечество» [Там же].

Псковичи умели ценить добродетельное отношение к себе и к своему княжеству. Когда «въ 30 третье лѣто княжения» [Лет. II, л. 165] «благовѣрныи князь Тимофѣи, мало поболѣвъ, представися к богоу вѣчнную жизнь» [Лет. II, л. 165 об.], «бысть же печаль и жалость велика тогда псковичемъ» [Лет. II, л. 166]. Взволнованно пишет автор о прощании с любимым князем: «Бяше бо милостивъ паче мѣры, священники любя, церкви оукрашаия, ницая милуя, и вся праздники честно проводя, сироты и вдовица заступая и обидимыя изимая; и проводиша его священноиноки и священники и диакони, мнихи и черноризици и все множество людии» [Лет. II, л. 165 об.-166].

Даже в памятнике канцелярско-делового хозяйственного жанра исследователями неожиданно была обнаружена запись о добром расположении к кому-то. Это рукописная приходно-расходная книга первой половины XVII века, сохранившаяся с большими потерями текста во время пожара в прошлые века. Найден памятник был В. Д. Белецким при археологических раскопках в Довмонтовом городе; расшифровали книгу Л. Я. Костючук и студентка Н. Е. Москалева в первой половине 70-х годов XX века. Они же исследовали рукопись. В начале XXI века продолжала работу студентка М. Семенова. Среди довольно строгих сообщений о поступлении в Псков и отправке из Пскова каких-то реалий вдруг читается фраза о том, что кому-то «по бедности дана льгота». Так на века сохранилось внимание к трудному положению человека и желание облегчить ему жизнь.

Осознавая свою роль в ратных делах, псковичи проявляли удивительную независимость в общественно-политической деятельности, самостоятельность в принятии решений: от-

казывали в доверии неугодным князьям и, наоборот, поддерживали и защищали полюбившихся князей и их семьи. Коллективный разум, проявлявшийся на псковском вече, помогал псковичам принимать мудрые решения, защищая себя от произвола правителей. Недаром присоединение Пскова к Москве произошло довольно поздно – в 1510 году.

В Псковской 3-й летописи удалось обнаружить фиксацию этикета непосредственного общения – взаимного приветствия при встрече. Так, при приеме в 1510 году государя и великого князя Василия Ивановича «удариша *псковичи* государю в землю *челом*», в ответ на что «государь *вопросил* у нихъ здравия, и *псковичи* ему *молвили*: ты бы, государь нашъ, здравъ был» [Лет. III, 1510 г., л. 191].

Еще в XVII веке в «Разговорнике» Т. Фенне 1607 года были записаны такие этикетные приветственные формулы в псковской народной речи: «*Здорово ишедши?*» [Т. Ф., с. 191]; «*Живешь <з>дорово?*» [Т. Ф., с. 189] (ср. современное «*Здравствуй(te)!*»); «*Челом, мой миле и Ѹмчине, как тебе Бог на дорогу милует / здорово ишедши? Челобитье тебѣ прислал Иван*» [Т. Ф., с. 191]; «*Челом, как тебе Бог милует? Живешь <з>дорово?*» [Т. Ф., с. 189]. В ответе на такое приветствие тоже может звучать слово здорово: «*Аще Бог меня милует. Здорово я к тебѣ при Ѹхал*» [Т. Ф., с. 191]; «*Коли Бог даст здоровье, ино добро*» [Т. Ф., с. 189], то есть все в руках Бога. Во фразах типа «*Как Бог хочет, так даст*» [Т. Ф., с. 127] звучит мысль о зависимости судьбы человека, его дела, его здоровья от расположения Бога.

Доброжелательное отношение к другому человеку выражено и в этикетных формулах, включающих слово Бог. Это отметил и Т. Фенне в своем «Разговорнике»: «*Поди во имя божье / с Богом. Бог тебѣ проводник*» [Т. Ф., с. 233]; «*Пожас-*

луй попамятуй меня, коли тебѣ добро будет, а Бог тебе не забудет [Т. Ф., с. 239]; «*Бог тебе прости*» [Т. Ф., с. 259] и др.

Обратил Т. Фенне внимание и на приветственное этикетное пожелание доброго самочувствия после бани: «*Пар-мир, осне, бояром*» [Т. Ф., с. 196] в системе замечательного диалога из десяти реплик в ситуации русской бани. В речи общающихся псковичей звучат этикетные формулы:

- (1) «*Пожалуй, осне бачке, вели истопить мыльну, я париться (!)*».
- (2) «*Я иду <в> мыльну*».
- (3) «*Пар-мир, осне, бояром*».
- (4) «*И твоему (!) с миром*».
- (5) «*Здорово по парѣ, как будешь в сорочки*».
- (6) «*Залей за печь*».
- (7) «*Здоров ты парившиесь*».
- (8) «*<Ч>еши мнѣ хребет*».
- (9) «*Похвощи меня*».
- (10) «*Щелоку!*» [Т. Ф., с. 196].

Начинается общение перед входом в баню: звучит вежливое обращение к мужчине, называемому *бачко* (звательная форма *бачке*), с просьбой приготовить баню (реплика 1). Затем идет сообщение о себе, что кто-то уже направляется в баню (реплика 2). Кто-то произносит предварительное традиционное пожелание – приветствие всем приятного мытья, когда люди обязательно и парятся в русской бане, потому и поминается «*пар-мир*» (реплика 3). Естественно, что слышна реплика, включающая тоже слово *мир* (реплика 4). Затем рисуется приятное самочувствие по свершении мытья, когда человек оденется (реплика 5). А следующий фрагмент диалога (реплики 6-10) – краткие динамичные фразы в горячей парной бане: просьба «поддать пару» – залить воду за печь

на камни (реплика 6); удивление, восхищение тем, кто готов принять горячий пар и кто будет в хорошем здравии после парилки (реплика 7); индивидуальные просьбы друг к другу для получения истинного удовольствия не только от парилки, но и от мытья тела (реплики 8-10): кто-то просит почесать спину (*хребет*) (реплика 8); кто-то – постебать веником (*похвощи*) (реплика 9); кто-то – дать щелоку для мытья тела (реплика 10). [Подробнее см.: Костючук, 2011б, с. 52-65].

Иностранца, вероятно, поразило русское гостеприимство псковичей, которые рады пригласить «*хлѣба єсть*», искренне желают угостить всем, что есть: «*Пожалуй, не ослушайся ты моего челобитья, да будь таки, одном (!) словом ко мнѣ хлѣба єсть*» [Т. Ф., с. 227]; «*Пожалуй єжьте и пийте со мной, что Бог зашлет*»; «*Пожалуй, приди ко мнѣ хлѣба єсть*» [Т. Ф., с. 237]; «...гостите пожалуйте у меня здесь да єжьте пожалуйте хлѣба и соль, что Бог зашлет» [Т. Ф., с. 228]. Сопровождаются такие приглашения этикетным вежливым словом *пожалуй(me)*. В таких репликах зафиксирован древний русский фразеологизм *хлѣба есть* с образной основой, означает он ‘угощение’; отмечено и устойчивое выражение *есть-пить*, подчеркивающее угощение.

Безусловно, что на основе свидетельств памятников письменности много хорошего может быть сказано о псковичах и об их человеческих качествах. И в то же время может быть обнаружена и нечестность некоторых людей, что, естественно, многими осуждалось (ведь вольные псковичи за воровство карали, даже князей). В своей письменности народ сохранил и донес до многих последующих поколений свое видение мира, свои нравственные основы. Через язык, оформляющий произведения, тексты, узнаем о человеке прошлого и настоящего.

Можно было бы продолжить рассказ о многих особенностях древнего языка разных периодов с целью выяснить, что было дорого для носителей языка и что они воспринимали с

осуждением; что сам язык сохранил в своей системе на разных уровнях, а что претерпело видоизменение или совсем ушло в пассивный запас... Но сейчас остановимся только на нескольких рассмотренных примерах. С благодарностью вспомним подвиг Кирилла-Константина и Мефодия и их учеников, создавших славянскую письменность и сохранивших ее в трагических обстоятельствах жизни. Тем самым они сохранили и культурную память народа.

ЛИТЕРАТУРА

Костючук Л. Я. Псковское слово в прошлом и настоящем : монография (избранное). Псков, 2011а.

Костючук Л. Я. Современное диалектное и древнерусское псковское слово в тексте // Текст — Дискурс — Коммуникация : коллективная монография. Псков, 2011б. С. 32-68.

Псковская 2-я летопись // Псковские летописи (Полное собрание русских летописей. Т. 5, вып. 2) / под ред. А. Н. Насонова. М., 2000. С. 9-69. [В сокращении: Лет. II, год (если указан), лист.]

Псковская 3-я летопись // Псковские летописи (Полное собрание русских летописей. Т. 5, вып. 2) / под ред. А. Н. Насонова. М., 2000. С. 70-290. [В сокращении: Лет. III, год, лист.]

Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1-22. Л.—СПб., 1967-2011. [В сокращении: ПОС]

T. Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607. Vol. II. Copenhagen, 1970. [В сокращении: Т. Ф., страница подлинника.]